

ХРОНИКИ
ИМПЕРИИ

Дл РОСЪЯР

ОХОТА ИМПЕРИИ

КНИГА III

Эл Росьяр
Охота Империи

«Автор»

2026

Росьяр Э.

Охота Империи / Э. Росьяр — «Автор», 2026

После катастрофы Великой Игры Артём Кат приходит в себя тяжело раненым и узнаёт, что объявлен массовым убийцей. Церковь требует его смерти, Двор приказывает доставить живым, а подполье решает, что нашло идеальное знамя для восстания. Артём хочет только исчезнуть, но Империя начинает стирать память свидетелям и уничтожать каждого, кто способен подтвердить правду. Чтобы остановить охоту, ему придётся самому пойти к её источнику — и узнать, на чём в действительности держится трон.

© Росьяр Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Эл Росьяр

Охота Империи

Пролог

Катунь-Град встретил новое утро в лихорадке.

Город, ещё вчера гремевший праздничными фанфарами и рукоплесканиями трибун, теперь вздрагивал от воя сирен, который не стихал ни на минуту. Этот звук, казалось, проникал сквозь стены домов, сквозь плотно запертые ставни, сквозь подушки, которыми люди пытались заткнуть уши, он был повсюду, навязчивый и давящий, как головная боль после бессонной ночи.

Над крышами ещё курился пар от остывающих маготехнических агрегатов, а по улицам с методичным стуком сапог расходились гвардейские патрули, перекрывая все выходы из города.

Массивные створки городских ворот, украшенные тусклым золотом двуглавых орлов, с грохотом захлопывались одна за другой, отсекая окраинные посёлки от центра, словно Империя боялась, что сама земля под ногами может ускользнуть вместе с правдой.

Мосты через Катунь уже были заняты кордонами. Серые шинели солдат мелькали среди гранитных перил, а ружейные дула смотрели вниз, на тёмную воду, которая, казалось, тоже чего-то ждала.

Люди на улицах старались не смотреть друг другу в глаза, слишком свежи были воспоминания о том, что произошло на арене. Слишком много вопросов висело в воздухе, на которые никто не осмеливался ответить.

Церковники, одетые в одинаковые чёрные рясы, уже с раннего утра обходили дома. Они стучали в двери, не дожидаясь ответа, заходили внутрь, шарили по углам, вытаскивали на свет всё, что могло иметь отношение к магии: самодельные амулеты из медной проволоки, глиняные фигурки с нацарапанными именами, обрывки записей вчерашней трансляции, которые кто-то успел сохранить. Изымали, складывали в мешки, а заодно забирали и самих свидетелей — тех, кто слишком громко рассказывал соседям о том, что видел своими глазами.

А видели они многое.

Десять тысяч пар глаз — это не просто цифра. Это десять тысяч историй, десять тысяч доказательств, которые невозможно уничтожить простым приказом. Даже если сжечь все бумаги, даже если стереть все записи, даже если запугать каждого техника до полусмерти — память останется. Она будет жить в разговорах на кухнях, в шёпоте у колодцев, в обрывках фраз, передаваемых из уст в уста.

Империя это понимала.

Поэтому она выбрала другой путь: не отрицать произошедшее, а переписать его. Объяснить людям, что именно они видели и сделать это так, чтобы они сами усомнились в собственных глазах.

И для этой цели был выбран идеальный инструмент.

На главную площадь Катунь-Града, гремя железом и выпуская клубы перегретого пара, выкатился бронированный маготехнический трамвай. Его превратили в передвижную трибуну за одну ночь: на крышу водрузили рунические усилители, по бокам прикрепили золотые церковные знаки, а изнутри вагона доносился гул работающих магических генераторов. Трамвай остановился в центре площади, и на его крыше, среди фигур в чёрных балахонах, появился Михаил Лазарев.

Это был не тот юноша, который ещё вчера с трепетом смотрел на своего кумира, надеясь на одно лишь слово одобрения. Вчера он был ничем — участником категории «С», травником, которому едва хватало сил удерживать жезл в руках.

Сегодня на нём красовалась новая форма: тёмно-синий мундир с серебряными галунами, на воротнике виднелся знак отличия особого образца, а в руках — длинный аналитический жезл, переливающийся голубоватым светом. За его спиной, как каменные изваяния, стояли инквизиторы — личная гвардия Великого Инквизитора Савелия. Их лица скрывали глубокие капюшоны, но подозрительный блеск амулетов на груди не оставлял сомнений: эти люди пришли не для того, чтобы слушать.

Михаил Лазарев поднял жезл, и динамики на крыше трамвая ожили, разнося его голос по всей площади. Он говорил уверенно, почти вдохновенно, с такой интонацией, словно сам был священником на проповеди.

— Граждане Империи! — начал он, и его слова, усиленные магией, пронзали тишину. — Вы стали жертвами чудовищного заговора! Человек, известный как Артём Кат, — не просто нарушитель порядка, а тайный шаман, проникший на нашу священную Иггру по поддельным документам! Он заранее подготовил это нападение, подчинил себе обезумевшую сущность, разрушил защитные начертания арены и преднамеренно устроил массовое убийство!

Площадь слушала. Тысячи глаз смотрели на него: некоторые с надеждой, другие с недоверием, третьи с затаённой злобой. Но Михаил не замечал этого. Он продолжал, сыпал терминами, ссылаясь на какие-то «аналитические данные», которые якобы подтверждали его слова. Он знал, что врёт. Прекрасно знал. Он помнил тот момент, когда Артём, опустив копьё, просто стоял перед израненным духом. Он помнил, как земля, вода, огонь и воздух вдруг сложились в единый щит, защитив этого человека. Он помнил всё. Но признать это означало признать, что сама Имперская Иггра была фальшивкой, что все эти годы он поклонялся пустоте. А главное... признать, что его собственное возвышение, его новая форма, его новая жизнь, всё это держится на одной лишь лжи.

И он не мог позволить себе оступиться.

В толпе началось движение. Кто-то закричал, кто-то пытался пробиться вперёд. И вдруг из гущи людей вышла пожилая женщина — худая, с лицом, изрезанным морщинами, в поношенном платке. В руках она держала обломок пластины, уцелевшей от вчерашней трансляции. На ней было видно: Артём, весь в крови, стоит перед раненым духом и не наносит последнего удара.

— Он не провоцировал! — закричала она, поднимая пластину над головой.

Толпа зашумела. Из-за спин потянулись руки, кто-то развернул самодельный плакат с надписью, выведенной углём: «ХВАТИТ ЛГАТЬ».

Михаил Лазарев на мгновение сбился, его голос дрогнул, но он быстро взял себя в руки. Однако церковный офицер, стоявший рядом, не колебался ни секунды.

— Опустить запись! — рявкнул он, и его голос, усиленный артефактом, перекрыл шум толпы.

Женщина отступила, прижимая пластину к груди.

— Не дам! Это правда!

Световой жезл офицера сверкнул, и короткий разряд ударил её прямо в грудь. Она пошатнулась, схватилась за сердце и осела на мостовую.

Площадь тотчас взорвалась.

Толпа, ещё мгновение назад сдерживаемая страхом, ринулась вперёд. В гвардейцев полетели камни, бутылки, обломки досок. Люди срывали с флагштоков имперские знамёна и топтали их ногами. Солдаты отвечали беспорядочными залпами Света — ослепительные вспышки, заставляющие людей отшатываться, падать, закрывать лица руками. Но в этот раз на помощь пришло нечто неожиданное — то, что никто не мог предвидеть.

Мелкие городские духи, которые десятилетиями прятались в трубах, печных дымоходах и водосточных желобах, вдруг вылезли наружу. Они не были похожи на исполинских чудовищ из легенд, а скорее на клубки тумана, на дрожащие тени, на сгустки света, которые металась между людьми, сбивая с ног солдат, отбрасывая в сторону церковные амулеты. Фонтан на площади взревел и выбросил столб воды поперёк мостовой, смывая гвардейские оцепления. Рунические фонари, установленные вдоль фасадов, начали лопаться один за другим, выбрасывая снопы искр. Из паровых труб вырвались струи кипящего тумана, и площадь окуталась плотной пеленой, в которой слышались крики, лязг металла и чей-то нечеловеческий вой.

Это ещё не было восстанием. Это был лишь первый миг, когда люди перестали молчать. Первый раз, когда страх уступил место гневу.

К вечеру площадь зачистили. Раненых увезли на повозках, записи конфисковали, а Михаила Лазарева, дрожащего, но всё ещё держащего жезл в руках, официально объявили героем Игры и главным свидетелем нападения.

А на разбитой мостовой, среди осколков стекла и следов копоты, осталась надпись, выведенная углём чьей-то рукой: «Мы видели щит стихий».

По всей Империи разошлись ориентировки. На грубой бумаге, напечатанной в типографии Бюро Разломов, было изображено лицо Артёма Ката.

Под ним сердобольно выверенный значился и перечень обвинений: шаман, массовое убийство, связь с демонической сущностью. За помощь преступнику — обвинение в ереси, без права на апелляцию.

Пока Катунь-Град зализывал раны, по северному тракту, почти исчезнувшему с современных карт, двигался экипаж. Он был неброским — тёмная карета без гербов, с ободранными колёсами и лошадьми, которые явно были выбраны не за красоту, а за выносливость.

Внутри сидели два толком неопределившихся, временных союзника: графиня Ирма Кочубей и полковник Лев Коваль.

Ирма, одетая в дорожный костюм тёмно-синего цвета, держала на коленях старую карту, испещрённую пометками и схемами. Её лицо было сосредоточенным, но в глазах читалась тревога. Она знала, что они уехали из города как раз вовремя — ещё до того, как Савелий окончательно перекрыл все выходы. Теперь они двигались по маршрутам из фамильного архива Кочубеев: через заброшенные почтовые станции, старые перевалы, участки, где когда-то проходили пути Пакта.

Лев Коваль, сидевший напротив, молчал. Его мундир был без знаков различия, но осанка выдавала военного. Он смотрел в окно на мелькающие стволы деревьев и думал о том, что официальная версия, которую сейчас вдалбливают в головы зрителей, появилась слишком быстро. Слишком гладко. Словно её подготовили заранее, словно расследования не будет вообще.

— Они уже объявили его виновным, — сказала Ирма, не отрываясь от карты. — Даже не дождавшись, пока остынут обломки арены.

— Расследования не будет, — коротко ответил Коваль. — Будет только история, которую приказано считать правдой.

Они замолчали.

Карета покачивалась на ухабах, и в этом ритме, нарушаемом только скрипом колёс, чувствовалась тяжесть предстоящего пути. Им обоим было ясно: Савелий уже начал охоту. Но у них была одна цель — найти Артёма первыми.

Ирма провела пальцем по старой карте, отмечая точку в горах, где заканчивались все дороги.

— Если он там, — сказала она, — Савелий тоже рано или поздно догадается.

Коваль посмотрел на неё с холодным спокойствием, которое всегда появлялось в критические моменты.

— Инквизитор ищет ересь. Мы ищем человека.

Карета нырнула в тень лесного перевала, и на несколько мгновений их лица скрылись в темноте.

А впереди, где-то за горизонтом, уже собирались тучи над далёкими вершинами. Там, где начиналась охота.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.